

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

ALUSTATUD 1893. a.

VIHİK 881

ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ В 1893 г.

А. БЛОК И РУССКИЙ СИМВОЛИЗМ:
ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА И ЖАНРА

БЛОКОВСКИЙ СБОРНИК

Х

ТАРТУ 1990

А. БЛОК И Е. ИВАНОВ В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(К вопросу о генезисе образа Христа в поэме «Двенадцать»)

Л. А. Ильюнина

О значимости появления в конце революционной поэмы А. Блока образа Христа написано немало, но объясняется он преимущественно исходя только из контекста поэмы, вне зависимости от того, какое место занимал этот образ в мировоззрении поэта, вне зависимости от той сложной эволюции, которую переживал он в его предреволюционном творчестве.¹ Между тем та неуловимость и двойственность, которой пронизан образ Христа в «Двенадцати», сложилась у Блока уже в годы первой русской революции, в годы, когда появилась в сознании поэта связь «Революция — Христос». В настоящей работе мы ограничимся только одним аспектом вопроса: мы попытаемся воссоздать ту человеческую, идейно-нравственную атмосферу, в которой складывалось у Блока отношение к Христу — атмосферу его дружбы с Е. П. Ивановым, в спорах с которым оформлялся образ Христа в поэзии Блока и обозначилась связь «Христос — Революция». Впервые об этой связи Блок пишет Е. П. Иванову 25 июня 1905 года. Имя Христа в этом письме возникает внезапно, после вдохновенно-стихийного описания революционного города и своего состояния: «Знаешь ли, что мы те, от которых хоть раз в жизни надо, чтобы поднялся вихрь? Мы сами ждем от себя вихрей <...> хочу действительности, чувствую что близится опять о г о н ь, что жизнь не ждет <...>. Близок огонь опять, — какой, не знаю. Старое рушится. Никогда не приму Христа».² После этого письма на протяжении ряда лет между Блоком и его другом продолжался постоянный спор о принятии или непринятии Христа и его вероучения.³ Ответное письмо Е. П. Иванова задает тон всему этому спору, — он верит в единство, близость «сверх чувств и верований», но позиция Блока его пугает. Приведем важнейшую часть этого письма: «Саша, опрометчиво ты говоришь «никогда

не приму Христа». Как о таком небесном принятии Христа говоришь не приму никогда, разве можно это знать наперед <...>. Но если ты всю жизнь не будешь принимать Христа, а жить Жизнью и светиться, то ты сам, того не зная, будешь принимать Христа <...>. Ибо жизнь более сознаний и верований <...> и мы понимаем друг друга без слов, тайно, ночью, понимаем, сознанием же многого еще не принимаем <...> Кто знает, может твое «антихристианство» нужно, и не для тебя посылается, а для мира, чтобы мир внимал, чтобы мир стал что-нибудь слышать о тайных, ибо это лучше, чем стать совсем глухим. Люди как-то нынче при одном упоминании слова Христос глохнут, затыкают уши и не слышат, ничего слышать не хотят. Другой предтеча научит их слушать о тайнах. Как ведет вдохновение и силы, так пусть каждый и идет».⁴ Отвечая Е. Иванову 5 августа 1905 года, Блок сознается в том, что его письмо с отречением от Христа было «во многом вызвано рассудочной судорогой» и что теперь (10 дней спустя) он думает иначе. Эти новые мысли звучат в стихотворении, которое Блок прикладывает к письму, — «Девушка пела в церковном хоре...».

В первой строфе стихотворения, воспроизводящей картину церковной службы, Блок перефразирует прошения-ектеньи: «о плавающих, путешествующих, недугующих, страждущих, плененных» — «о всех усталых в чужом краю» (о плененных), «о всех кораблях, ушедших в море» (о плавающих, путешествующих), «о всех забывших радость свою» (недугующих, страждущих). Во второй строфе мечта «усталых людей» о светлой жизни, вероятно, скрывает за собой воспоминание о реальных событиях 1905 года. В последней строфе крушение надежд, несбыточность молений связаны с образом ребенка, — «плачущего высоко у Царских врат», — над царскими воротами под куполом храма обычно изображался Христос, часто — Христос младенец. Имя здесь не названо, но позиция определена: «Причастный тайнам, / плакал ребенок / О том, что никто не придет назад», — позиция любви и сострадания, пророческого знания о будущей гибели «усталых людей», жалости к ним. Имя не названо, а сам образ ребенка возникает в ореоле трагической безысходности.

Та же нота звучит и в написанном 10 октября 1905 г. стихотворении «Вот Он — Христос, в цепях и розах», посвященном Е. П. Иванову. В стихотворении Блок напрямую обращается к образу Христа и его вероучению, которое он определяет в строках: «И не постигнешь синего ока / Пока не станешь сам как стезя,

Пока такой же нищий не будешь,
Не ляжешь истоптан в глухой овраг,
Обо всем не забудешь и всего не разлюбишь,
И не померкнешь, как мертвый знак».

Все эти строки составлены из евангельских цитат. «Мертвый знак» — реминисценция слов: «Аще зерно пшеничное павши в землю не умрет, то останется одно, а если умрет, принесет много плода» (Иоан, 12, 24). В этих словах провозглашается идеал жертвенности, смирения,⁵ обозначенный в первой строке, которую, видимо, нужно понимать в соответствии с заповедью блаженства «Блаженны нищие духом» (Мф, 5, 1). Строка «Обо всем не забудешь и всего не разлюбишь» — реминисценция слов о нелюбви к миру и тому, что в мире, и об отречении, забвении ценностей этого мира (Мф, 8, 22; Иоан, 2, 15). За строкой «Пока не станешь сам, как стезя» стоит евангельское: «Аз есмь путь, истина и жизнь» (Иоан, 14, 6).

Но сам центральный образ стихотворения не сугубо евангельский, видимо, он связан с размышлениями Е. П. Иванова «о твари земной» и о «колосащемся в поле Христе», которого проповедовал он:⁶

Единый, светлый, немного грустный,
За ним восходит хлебный знак,
На пригорке лежит огород капустный,
И березки и елки бегут в овраг.

Ср. в дневнике Е. Иванова за 1905 год: «Пускай в самом человеке откроется небо, ночное ли, дневное ли, ясное или мрачное, и вырастут леса, травы, цветы, горы и море... Тогда среди этого земного и небесного станет Христос».⁷

Но для лирического героя стихотворения Блока Христос и его путь закрыты, отчуждены, видит он Христа из окна тюрьмы, через решетку. О причинах этого отчуждения Блока Е. Иванов пишет в своих «Воспоминаниях»: «... когда в наших разговорах мы говорили о Христе, то пока дело шло об образах, в которых он являлся в природе, то в восходящем на горе солнце, то плывущим в солнечном отражении как на челне золотом в реке, то колосающимся в хлебном колосе на жниве — все это было понятно и близко Ал. Блоку, но как только начиналось толкование с моей стороны, как только появлялся намек на «тексты» (из Св. Писания), тут сразу захлопнется бывало наше взаимопонимание <...> Не через толкования человеческие открывался Христос ему, а через вдохновение Духа, в ударах вдохновения; я этого тогда еще не понимал и видя выражение усталой тоски на все мои «премудрые толкования», я сам впадал в унылую тоску...»⁸.

Путь Христа евангельского и того, которого проповедовал Е. Иванов, неприемлем, потому что у поэта есть другой путь, о котором он пишет в стихотворении «Осенняя воля» (июль 1905 г.). В этом стихотворении присутствует тот же образ тюрьмы и пути «нищего, распевающего псалмы» за ее окнами:

Кто взманил меня на путь знакомый,
Улыбнулся мне в окно тюрьмы?
Или каменным путем влекомый,
Нищий, распевающий псалмы?

От этого пути лирический герой отрекается:

Нет, иду я в путь никем не званный,
И земля да будет мне легка!
Буду слушать голос Руси пьяной,
Отдыхать под крышей кабака.

Блок, как и лирический герой его стихов 1905 года, не может принять аскетический путь Христа, потому что ему противоречит в это время отношение Блока к жизни в целом, а также к революционному подвигу, революционному восстанию. Его позиция наступательная. Об этом он пишет Е. П. Иванову 25 июня 1905 года: «Хочу много ненавидеть <...>. Если бы ты знал лицо русской деревни — оно переворачивает, мне кто-то начинает дарить оружие <...>. Знаешь, что я хочу бросить? Кротость и уступчивость».⁹ Для Е. П. Иванова революция — это жертвенность, самоотречение, готовность «положить душу за други своя», он верит в романтико-утопический идеал всемирного бескровного братства, он стоит на позиции всепрощения, прощения даже врагам. (См. об этом запись: «Да здравствует свобода...»: «Подлинный революционер не из-за добычи прежде всего восстает, а из-за дела свободы, плоды которой не он первый пожнет, нет, он отдает себя в жертву за свободу, чтоб пожали другие (б. д., хран. в собр. М. С. Лесмана). Царство свободы Е. П. Иванову представляется как «время грядущего царства, когда звери, люди и растения перестанут страдать и обнимутся в мире всего мира».

О том, что Блок и Е. П. Иванов связывали свое отношение к революции с Христом, свидетельствует запись в дневнике Е. П. Иванова 1906 г. «Приходил Блок. Говорили о революции и о Христе. Опять о колосащемся в поле и в городе грядущем».¹⁰

В августе 1906 года Блок пишет драму «Король на площади», в которой нашло художественное воплощение его понимание революции. И опять в этой драме присутствует память о евангельском образе Христа, на этот раз облеченная в остро полемическую форму. Его словами о себе говорит Шут: «Я — сама Истина» (См. Иоан, 14, 16), «Я — пастырь добрый» (См. Ин. 10, 11), «Буду пасти вас, стада мои, жезлом железным» (См. Ап. 2, 27, Пс. 2, 9). Шут в драме как будто бы занимает место отсутствующего убитого сына, он вместо (αυτι) Христа рядом с Отцом-Зодчим и Духом — дочерью Зодчего; на это указывает евангельская реминисценция в конце драмы: «Я послал вам Сына моего возлюбленного, — и вы убили его, я послал вам

иного Утешителя — дочь мою...» (См. Лк. 20, 9, Мф, 21, 33). Таким образом, восстание, описанное Блоком, вырастает почти до масштабов богоборческих, и справедливость его для Блока оправдывается лишениями бедных, их смертями и болезнями, идеал самоотречения, жертвы для него неприемлем. В замене Христа Шутом в драме (Шутом в народе называли Дьявола, и Блок об этом наверняка знал) поэт как бы испытывает тот вариант, о котором он писал в 1918 году: «А надо, чтобы шел Другой».

Осенью 1906 года Блок напишет Е. П. Иванову о причинах своих расхождений с ним: «Тебя я отрицал, когда во мне ломался человек. Теперь сломался — и я тебя уважаю глубоко и люблю (как мертвый живых?)»¹¹.

На этом явный спор поэта с Е. П. Ивановым кончился, но его отголоски мы находим в размышлениях и разговорах Блока и Е. П. Иванова на тему народа и интеллигенции. Статьи Е. П. Иванова «Интеллигенция и церковь», «Национализм и церковь», «Демон и церковь» появились на 3—5 лет позднее блоковских, но в дневнике его развернутые в статьях положения появились уже в 1904—1905 гг. Блок и Е. П. Иванов одинаково определяют настоящее состояние интеллигенции в России как состояние полной опустошенности, беспочвенности, тоски по живой жизни и неподготовленности к принятию реальных перемен; только Е. Иванов объясняет это состояние отсутствием духа, веры, а Блок находит причины социальные, исторические; 7 сентября 1907 г. Е. П. пишет в дневнике: «Чтоб им пусто было. И стало нам пусто. Многим посылалось подобное проклятие, но, может быть, ни к кому оно так не приставало, как к нам, к нашему времени. Кто же это мы, которым, как я говорю, пусто стало <...>, кому нечего делать, потому что не для кого делать, ибо жизнь ушла, и осталась одна щемящая скукою пустота и нечем жить, когда нет Жизни с нами».¹² Блок же пишет о скуке дворянских усадеб, отпылавших домашних очагов, о смертельной тоске безытности, «распахнутых на улицу дверей и окон».

И для Блока, и для Иванова книжной культуре интеллигенции противостоит живая, мощная стихия народа. Но эту народную стихию Блок и Е. П. Иванов понимают по-разному: для Е. П. — эта стихия в Церкви, для Блока эта стихия безымянна, может быть — это сектанство, может быть старообрядчество, может быть неизвестная «живая церковь» (см. ст. «Стихия и культура»).

В целом позиция Блока в это время (1907—1908 гг.) уже гораздо ближе к идеалу жертвенности и сострадания, который он отрицал в 1905 г. И, может быть, эти перемены были следствием продолжительного общения с Е. П. Ивановым. В нем Блок увидел то, что потом связало их на всю жизнь: деятельную человечность, любовь к людям, ставшую жизненным принципом. Именно в

1905—1906 гг. поэт пишет Иванову, что он его очень любит и что он ему очень близок и необходим. В статье «Народ и интеллигенция» Блок, цитируя «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя, говорит о необходимости сострадания, «которое есть начало любви», о неизбежности жертвы «броситься под ноги народу», о самоотречении и одновременно преданности, обреченности души, которая могла бы стать в одну из черных ночей путеводным заревом для заблудившегося человечества»,¹³ что позднее Блок назовет «сораспятием». Этот путь Блок признает единственным и благим, но настоящей веры в осуществимость его, какая была у Е. П. Иванова, у Блока не было. И в этом опять проявляется двойственность его позиции, драматичность, напряженность ее: «В самом деле, нам непонятны слова о сострадании, как начале любви, о том, что к любви ведет Бог, о том, что Россия — монастырь, для которого нужно умертвить себя для себя же. Непонятны, потому что мы уже не знаем той любви, которая рождается из сострадания».¹⁴

В этих словах опять слышится вопрос о принятии или неприятии христианского пути сострадания и аскезы, но теперь этот вопрос важен не только для Блока и его лирического героя, но и для России в целом. В 1907 году поэт пишет два стихотворения, в которых он пытается ответить на этот вопрос: «Ты отошла, а я в пустыне...», «Когда в листе сырой и ржавой...» И в том и в другом стихотворении Блок отождествляет себя с Христом и заявляет о неразрывности своего пути и пути России. Но в первом стихотворении его герой — «невоскресший Христос», и он «не знает, где приклонить ему главу» в «родной Галилее» — России, а во втором — вопрос о том, будет ли «причален челн» Христов к распятому на «печальных просторах» родины, остается без ответа. Стихотворение «Когда в листе сырой и ржавой...» — только первая часть триптиха «Осенняя любовь», который кончается стихами о «восторге мятежа», о страсти и «темном рае», которые для лирического героя не менее ценны, чем Христос.

У Е. П. Иванова в письмах, написанных незадолго до смерти Н. Г. Чулковой в 1910 году, есть комментарий-характеристика творчества Блока этого периода — периода «прохождения через ад богооставленности»: «В «звездах» преполовляются зарева пожаров преисподнего огня, в котором мир горит <...> и это другой близкий. А Блок знал и «тайный жар стихов», его ведет через этот огонь, проводит <...> Здесь наша близость, это близость Вергилия и Данте, проходящих через ад» (Собрание Л. Д. Барановой).

Тема Христа останется постоянной темой отношений Блока и Е. Иванова на протяжении всех 1910-х годов, до самой революции. Об этом свидетельствуют их переписка и многочисленные записи в дневнике Е. Иванова и в дневниках Блока за это время. Подробный разбор этого материала выходит за рамки данной

работы (отношения Блока и Е. П. Иванова в период первой русской революции), мы отметим только важнейшие моменты «возврата темы Христа» у Блока в 1910-е годы.

Знаменательно, что в итоговой статье 1910 года «О современном состоянии русского символизма» Блок, объясняя то, что произошло с ним и с символистами в период первой русской революции, опять использует образ Христа, искушаемого в пустыне. «Все мы как бы возведены были на высокую гору, откуда нам предстали царства мира в небывалом сиянии лилового заката; мы отдавались закату, красивые, как царицы, но не прекрасные, как цари, и бежали от подвига. Оттого так легко было проситься за нами непосвященным; оттого заподозрен символизм».¹⁵

«И, возведя Его на высокую гору, диавол показал Ему все царства вселенной во мгновение времени. И сказал Ему диавол: Тебе дам власть над всеми царствами и славу их; ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее. Итак, если Ты поклонишься мне, то все будет Твое. Иисус сказал ему в ответ: отойди от Меня, Сатана, написано: Господу Богу твоему поклоняйся и ему одному служи» (Лк, 4, 5—8). Блок пишет о том, что символисты стали обладателями этих **многих** царств.

Но зачем подарила ты мне
Луг с цветами и твердь со звездами —
Все проклятье твоей красоты.

Блок еще раз признается в отречении от пути подвига, и путь к восстановлению, воскрешению провозглашает тот же, что и Е. П. Иванов, который в 1910 году в газете «Утренняя звезда» печатает статьи с призывами к подвигу, к возврату к «первой любви». Блок для обозначения подвига художника берет термины аскетической литературы: «послушание», «трезвение», «смирение», «духовная диета», — о знакомстве его с литературой свидетельствует то, что в 1914 году, читая I том «Добролюбия», в котором содержатся поучения христианских подвижников, Блок ставил на полях и в тексте значки, обозначающие согласие или утверждение, а однажды написал: «Знаю, все знаю».

Знаменательно и то, что, определяя свой путь в это время (1911 г.), А. Блок пишет о «Трилогии вочеловечивания», опять невольно адресуясь ко Христу, потому что сам термин «вочеловечивание» взят в «Никейском Символе веры», где о Христе сказано: и «воплотившись от Духа Свята и Марии Девы и вочеловечшася», — и, может быть, осмысление этого термина Блоком было как-то связано с Е. П. Ивановым, в дневнике которого мы находим много размышлений на эту тему. В частности, в записной книжке 31 марта 1910 г. Е. П. пишет: «Всякая идея, чтоб воплотиться, должна прежде вочеловечиться, иначе она оста-

нется хоть и божески высокою, но и отвлеченною» (дн. № 26, л. 64, с. 1, ИРЛИ, Ф. 6, 62).

Кроме того, можно предположить, что образ Бертрана в драме «Роза и крест», говоря о котором в записке для МХТ, Блок неоднократно подчеркивает, что он подлинный человек и христианин («судьба человека, который любил ее <Изору. — Л. И.> христианской любовью и умер за нее, как христианин...» — Блок А. Собр. соч., т. 4, с. 530), одним из источников имеет отношения поэта с Е. П. Ивановым, таким же, как Бертран, немимозантным, немного юродивым, но чистым, верным, сердечным человеком.

Однако, говоря (хотя и бегло) об отношениях Блока и Е. П. Иванова в 1910-е годы, не следует преувеличивать их единомыслия и духовной близости. Блок пишет, что Е. П. даже «физически замучил его своими Христами»; раздражает его и история женитьбы Е. П. Иванова, которую он осмыслял мистически-религиозно; все, написанное Евгением Павловичем на религиозные темы, кажется Блоку беспомощным, непонятым, путанным. Много лет спустя после смерти Блока Е. П. Иванов писал, что сам он был виноват в неприятии Блоком религиозной экзальтации своего друга, потому что, как писал Блок в статье «Литературные итоги 1907 года»: «о Боге нельзя говорить при обилии электрического света, а можно только плакать одному, шептать вдвоем...» (Блок А. Собр. соч., т. 5, с.). В 1940 году внимательный критик Блока и близкий знакомый Е. П. Иванова Р. В. Иванов-Разумник писал о сути отношений Е. П. Иванова и Блока: «Вот откуда его «никогда не приму Христа». Принять надо было не умом, а существом, то есть вновь вернуться к тому, что давала Блоку Она в годы зорь». В том же письме определяется суть отношений Блока с Е. П. Ивановым: «Блок — растет, Женя — каков в колыбельке, таков и в могилку. Он сразу достиг такой вершины (Христос), что с нее уже не видел путей, и все плоды мира для него прогоркли. Блок от «Прекрасной Дамы» совершает путь на землю, к «Нечаянной радости», болеет и горит революцией 1905 года, — как позднее и в 1917—1918 гг. ищет путей. В письмах Жени нет ни революции 1905 года, ни повешенных 1906—1910 гг., ни каких бы то ни было «общественных интересов»» (собрание М. С. Лесмана).

Проникновение в идейно-нравственную атмосферу отношений Блока с Е. П. Ивановым дает нам почву для того, чтоб сказать, что образ Христа в конце революционной поэмы появился у Блока не случайно, что Христос поэмы так же неуловим, двойствен и внезапен, как и в предреволюционном творчестве Блока, что этот образ всегда был иррациональной, амбивалентной составляющей поэтического сознания Блока, что для него это был не отвлеченный символ добра — «этическое начало» (как часто пишут исследователи поэмы) и не миф о «жизни прекрас-

ной, светлой», а лицо, историческая сила, с которой было связано определенное отношение к жизни, определенное понимание ее, которое Блок и принимал и не принимал.

Понимание образа Христа в поэме «Двенадцать» как образа, несущего в себе множество смыслов, «вошедших в него за двухтысячелетнюю историю христианства, преломленных в какой-то мере и отобранных в индивидуальном опыте Блока»,¹⁶ дает возможность углубить прочтение поэмы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исключение составляют статьи З. Г. Минц — Поэма «Двенадцать» и мировоззрение Блока эпохи революции» (Уч. зап. Тарт. ун-та. — 1960. — Вып. 98) и Л. Ереминой — «Старинные розы» А. Блока (Филологические науки. — 1982. — № 4).

² Блок А. Собр. соч.: В 8 т. — М.-Л., 1965. — Т. 8. — С. 131. Е. П. Иванов в 1922 г. в статье «Заключение в вечной памяти Блока» говорит о прямой связи между отходом Блока от словесства с отречением от Христа: «Знаменательно, что это погребение спутницы «дней, залитых небывалым огнем», совпало с его явным отречением от веры отцов, от веры в Христа, с неприятием Его.

Кончились ангелообразные пути, «примелькались белые процессии», как пишет он, «и я почти не снимаю шапки. Не вы виноваты в этом — время такое». (Собрание Н. И. Ильина, музей А. Блока).

³ О том, что их отношения с Блоком надо рассматривать под «знаком Христа», писал Е. П. Иванов. «Когда он <Блок. — Л. И.> говорил по существу, или читал стихи свои мне, он не мне только читал, но и Тому, Кого я осмелился носить с собою <Е. П. всегда носил в нагрудном кармане Евангелие. — Л. И.> <...> без этого постоянного тайного общения Александра с вопросом о Христе, «а что Он скажет?» нам не понять глубины творчества А. Блока (Блоковский сборник. I. — Тарту, 1964. — С. 370).

⁴ ИРЛИ, ф. 662, № 42, п. 12.

⁵ В дневнике Е. П. Иванова за 1907 г. (27 апреля) эти евангельские слова связаны с Блоком: «... Это вроде Блока — умирание упавшего «на землю «в блудницах» — и к злодеям причтен». Может нельзя и воскреснуть, не умерев, как зерно, попавши на землю» (ИРЛИ, ф. 662, дн. № 20, л. 39).

⁶ Стихотворение было написано Блоком непосредственно после разговора с Е. П. Ивановым, о чем свидетельствует запись в дневнике последнего: «8 октября 1906 г. приходил к нам А. Блок. Говорил ему о Демоне и Марии и о Христе в городе и полях грядущем. В поле среди колосющихся злаков и сам колос как колосющийся Христос волнуется в полях». (Блоковский сборник. I. — Тарту, 1964. — С. 396).

⁷ ИРЛИ, ф. 662, дн. № 14, л. 5. Эту же тему благовествования Христа для «всей твари земной», а не только для человека Иванов будет развивать и в своих толкованиях на Евангелии. Следует заметить, что и в толкованиях и ранних статьях на религиозные темы Е. П. Иванов выступает как человек, близкий к «новому религиозному сознанию», высказывает он иногда критические слова в адрес церкви, не приемлет аскетический дух в христианстве, защищает юношескую влюбленность и брачную любовь, стихийность, права гениальности и вдохновения на свободу от религиозных законов, обязательных для всех, кто «по долгу живут, под страхом наказания и кроме долга и страха ничего не знают <...> ни гор, ни моря» (ИРЛИ, ф. 662, дн. 14). Задача Е. П. Иванова — «Христа примирить с миром» (ИРЛИ, ф. 662, дн. 14).

⁸ Собрание Н. П. Ильина, фонд музея А. Блока.

⁹ Блок А. Собр. соч., т. 8. С. 130—131.

¹⁰ Блоковский сборник. 1. — Тарту, 1964. — С. 396.

¹¹ Блок А. Собр. соч., т. 8. С. 166.

¹² ИРЛИ, ф. 662, дн. № 20, л. 58, с. 1 (7 сент. 1908). В отношении к интеллигенции Е. П. Иванов занимает двойственную позицию: он и обличает ее, и считает себя ее частью. См. статью «Интеллигенция и церковь»: «Интеллигенцию и церковь я беру как два глубоко противоположные явления нашей жизни, взаимною борьбой которых определяется многое в общем хаосе нашей неурядицы. Интеллигенция — носительница духа человеческого. Человека взятого таким, каким он есть, остающегося прежде всего «самим собою» — без божества и вдохновенья небес.

Это — дух отрицанья и сомненья, но он в то же время есть «царь познания и свободы». Он чудеса человеческого познания и человеческой свободы противопоставляет чуду небес <...>. Быть самим собою — первая заповедь интеллигенции. <...> Я далек от мысли об отождествлении народа с церковью, от мысли, что народ церквен, и действует в духе церковном, нет, но народ глубоко стихнен, обшчнен, в нем нет индивидуального развития духа человеческого, и оно враждебно ему, то же самое скажу и о Церкви...» (собрание М. С. Лесмана).

В статье «Демон и Церковь» (1906) Е. П. Иванов обращает свои упреки не только к интеллигенции, но и к церкви, сам занимая позицию «меж двух враждебных станом»; «Есть Церковь, есть интеллигенция. Церковь глубоко неинтеллигентна, интеллигенция глубоко нецерковна. Несмотря на то, что считается интеллигенция принадлежащей к православной церкви, рознь, враждебность между церковью и интеллигенцией глубочайшая, и это не только у нас в России, но и в других странах, католических и протестантских, так что можно сказать, враждебное отношение меж церковью и интеллигенцией ныне явление вселенское. — Почему так? — Да потому что за всей интеллигенцией, за всей культурой человеческого познания и свободы, которою живет и которую несет интеллигенция, — стоит некто <...> Кто ж этот некто, стоящий за интеллигенцией с ее культурой, которую церковь не принимает.

Это — Демон, «человек познания и свободы», безбожник <...>. Демон стоит за нами, не даром на утре нашей литературы, нашего слова, в поэзии Пушкина и Лермонтова, этот образ так ярко выступил. В трагедии Тамары и Демона мы видим путь, которым церковь и интеллигенция идут к объединяющему их огненному перерождению, в трагедии Демона наша трагедия.

Ныне исторически переживается тот момент, когда мы видим Демона, подошедшего к стенам церковным, в которых живет Тамара, монахиня прекрасная, чистая Дева.

Возникает колоссальный мировой вопрос, как войти интеллигенции в обитель церковную, когда церкви, оставаясь в глубине своей староверческими, считают культуру Дьявольщиной, того, с кем интеллигенция пришла — Демона, за Дьявола, как, одним словом, интеллигенция войти в Церковь, не перестав быть интеллигенцией, не отрекшись от культуры и Демона своего.

Поистине вопрос колоссальный, потому что в нем заключен вековечный вопрос, как Демону с Богом примириться, не перестав быть Демонем, «человеком познания и свободы». <...> В старину, когда Церковь была в полной силе, она успешно могла подавлять огнем и мечом всякое зарождение человеческой культуры: культура пряталась, таилась у колдунов и ведьм, и ученый врач ничем не отличался от колдуна <...> Но времена меняются. В людях человек проснулся, а этот человек и есть Демон, царь человеческого познания и свободы. И уже теперь Демон идет к стенам церкви как враг со своими пламенными красными знаменами, а демон, как мы сказали — вся подлинная интеллигенция <...> и сближения своего с рясою церковною, с Церковью интеллигенция стыдится, ибо войти интеллигенции в церковь — это значит изменить своей интеллигентности, культуре, изменить тому, кто стоит за интеллигенцией и культурой, Демону, а это стыдно. Стыдно потому, что возвращающийся в староверчество церковное интеллигент, тем самым признает Демона дьяволом, и всякое стремление к познанию и свободе — дьявольщиной. Демон же не дьявол, Демон великую правду человеческую несет в себе

и великое страдание, крест богооставленности, а разве дьявол может страдать?

Поймите, этот разговор о Демоне не есть отвлеченное метафизическое рассуждение, а самое глубокое переживание всей интеллигенции, переживание нашей интеллигенции суть переживания Демона <...>

Знаете, интеллигенция есть тоже Церковь, но только во ад сошедшая, ставшая церковью отверженной, богооставленной... Культура есть дары Демона, о которых он молодой Тамаре говорит в повести Лермонтова:

«Я опущусь на дно морское,
Я поднимусь за облака,
Я дам тебе все, все земное.
Люби меня».

У интеллигенции, отверженной церкви Демона есть свои расы — темному простолюдию «студент» кажется дьяволом, чертом, безбожником, соблазнителем честного народа <...> Демон отверженный небом избранник во ад богооставленности низведен. Церковь Христова, идя по стопам Христа, должна во ад сойти, как Он сошел <...> — Как во ад сходят? — Любя. Любовь открыла первым девушкам, что Демон не Дьявол. Любовь и во ад к нему низвела, чтоб вместе или погибнуть или вместе выйти оттуда. Церковь должна стать Тамарою, любящей Демона. — Но — Демон — враг церкви? — «Любите врагов ваших». Здесь последний смысл любви к врагам. — Но Демон — Иуда Церкви. — «Умой ноги Иуды», приклонившись к его ногам, ибо сам Христос такой пример дал на «тайной вечери», возлюбив своих сущих в мире до конца возлюбил их», до Демона-Иуды возлюбил их.

Во омовении ног Иуде-Демону есть любовь и сходжение во ад его. И если Христос, Господь и Учитель, умыл ноги и Иуде, ученику своему, то тем более Церковь наша, которая не испорчена, должна умыть в любви ноги тому, кто на месте Иуды-Демону <...> И предвижу произойдет нечто с обеими церквями нашего времени: церковью носящей имя Бога и церковью отверженной, носящей имя Демона! Какое-то огненное крещение церковей, Голгофа огненная, и от прежнего проклятого не останется камня на камне, все будет разрушено, и явится Церковь Христа истинной церковью во ад сошедшая и с Демоном из ада исшедшая <...> Это — церковь «последнего времени», Возлюбленная церковь любимого ученика Христа, Иоанна, апостола с девичьим лицом.

Господа! В этой церкви Иоанна, «последнего времени» — соединение церкви с интеллигенцией, переход от староверчества ветхозаветного к Царству Силы и Славы сына Человеческого» (Собрание М. С. Лесмана).

¹³ Блок А. Собр. соч., т. 5. С. 210.

¹⁴ Там же. — С. 326.

¹⁵ Блок А. Собр. соч., т. 5. С. 435.

¹⁶ Максимов Д. Е. Поэзия и проза А. Блока. — Л.: Сов. писатель, 1980. — С. 149.